Цветы Зла (сборник)

Автор:
Шарль Бодлер

Цветы Зла (сборник)

Шарль Бодлер

Пространство перевода

Стихотворения из «Цветов Зла» – великой книги великого французского поэта Шарля Бодлера (1821-1867) – переводили многие, но немногим удалось перевести ее полностью. В 1929 г. в Париже был издан перевод, выполненный выходцем из Швейцарии Адрианом Ламбле. Книга «сделана очень тщательно и, видимо, с большой любовью. <… > Перелистывать и читать ее приятно. На ней лежит отпечаток общей культурности. Есть в ней слабый, но все-таки еще не окончательно исчезнувший отблеск одного из самых глубоких дарований, которые когда-либо были на земле», – писал о ней Г. Адамович. Более 80 лет работа Ламбле оставалась неизвестной российскому читателю, да и о самом переводчике знали лишь специалисты. Теперь этот полный перевод «Цветов Зла» возвращается на вторую родину Адриана Ламбле – в Россию.

Шарль Бодлер

Цветы Зла

Перевод Адриана Ламбле

Эпиграф к осужденной книге

Читатель с мирною душою,

Далекою от всех грехов,

Ты не читай моих стихов,

Глухою дышащих тоскою.

Коль ты не дружен с Сатаною

И не пошел на хитрый зов,

Брось! Не поймешь моих ты слов

Иль Музу назовешь больною.

Но если взором охватить

Ты бездну мог, не замирая,

Читай меня, чтоб полюбить;

Взалкав потерянного рая,

Страдай, сочувственно скорбя,

Со мной!.. Иль прокляну тебя!

Читателю

Ошибки, глупость, грех и скупость чередою

Наш занимают ум и заражают кровь;

Раскаянью даем мы пищу вновь и вновь,

Как труп дает червям насытиться собою.

Погрязнувши в грехах, мы каемся уныло;

Признанья продаем высокою ценой,

И весело бредем мы прежнею тропой,

Поверив, что слеза все пятна наши смыла.

А на подушке зла Алхимик чудотворный

Баюкает всю ночь наш ослепленный ум,

И девственный металл намерений и дум

Весь испаряется в руке его упорной.

Сам Дьявол держит нить судеб и правит нами;

В предметах мерзостных находим прелесть мы

И к Аду каждый день спускаемся средь тьмы

На шаг, без ужаса, зловонными ходами.

Как, уплативши грош, развратник распаленный

Целует древнюю, измученную грудь,

Так жаждем тайный плод украсть мы где-нибудь

И соки выжать все из старого лимона.

Червями мерзкими киша и расползаясь,

В мозгах у нас живет разгульных бесов рой.

С дыханием к нам Смерть невидимой рекой

Стекает в легкие, со стоном разливаясь.

И только потому убийства и поджоги

Не вышили еще забавных вензелей

По сумрачной канве бесцветных наших дней,

Что мало смелости дано душе убогой.

Но там, где тигры спят и вьются клубом змеи,

Средь тварей без числа, среди чудовищ всех,

Чей слышен визг, и вой, и хрюканье, и смех,

В зверинце мерзостном пороков, есть гнуснее

И злее всех один – его не извести нам!

Размерен шаг его, и редко слышен крик,

Но хочется ему разрушить землю вмиг,

И мир он проглотить готов зевком единым.

То Скука! – Омрачив глаза слезой неверной,

Она готовит казнь, склонясь над чубуком.

Читатель, этот бес давно тебе знаком —

О ближний мой и брат, читатель лицемерный!

Сплин и идеал

Благословение

Когда является, по воле Провиденья,

Поэт в обителях тумана и тоски,

То мать несчастная его полна хулений

И Господа клянет, сжимая кулаки:

– «О, лучше б родила я змей клубок шипящий,

Чем столь позорное кормить мне существо,

И проклята будь ночь с усладой преходящей,

Когда на горе мне я зачала его.

Коль средь всех прочих жен, Тобою пощаженных,

Супругу в тягость быть Ты предназначил мне,

И если не могу, как тайне строк влюбленных,

Уроду жалкому могилу дать в огне,

Я на орудие Твоих расправ и гнева

Твою всю ненависть сторицей изолью

И так ствол искривлю отравленного древа,

Что уж не распустить листву ему свою!»

Так злобных слов своих она глотает пену,

Не ведая Творцом назначенных путей

И для себя сложив на дне глухой Геенны

Костры, сужденные проступкам матерей.

Но под опекою незримой Серафима

Впивает сирота луч солнца огневой,

И в пище и питье, оставленных другими,

Находит манну он и нектар золотой.

Играет с ветром он, беседует с грозою

И радостно идет по крестному пути;

И слыша, как поет он птицею лесною,

Не может слез своих Хранитель скрыть в груди.

Все те, кого любить он хочет, боязливо

Глядят иль, осмелев от звука первых слов,

Хотят исторгнуть стон из жертвы незлобивой

И пробуют на нем укус своих зубов.

Они, чтоб отравить вино его и пищу,

Готовят тайно смесь из пепла и плевков,

И с мнимым ужасом бегут его жилища,

Жалея, что пошли вослед его шагов.

Жена его кричит на шумных стогнах мира:

– «Коль он за красоту меня боготворить

Способен, буду я как древние кумиры,

И должен он меня теперь озолотить!

Упьюсь его мольбой и миррою смиренной,

Заставлю предо мной колена преклонить,

Чтоб знать, дано ли мне в душе, навеки пленной,

Святой престол богов со смехом осквернить.

Когда ж мне надоест безбожно с ним возиться,

Я руку положу свою к нему на грудь,

И ногти, схожие с когтями хищной птицы,

Смертельный проложить сумеют к сердцу путь.

Как малого птенца, что бьется средь мучений,

Я сердце красное из жертвы извлеку

И, псу любимому давая на съеденье,

На землю я его с презрением швырну!»

Но руки к небесам, где пышный трон сверкает,

Задумчивый Поэт молитвенно воздел,

И молнии ума от глаз его скрывают

И буйную толпу, и собственный удел:

– «Благословен наш Бог, дающий чадам сирым

Боль в исцеление душевных гнойных ран

И тем живительным и чистым эликсиром

Готовящий святых к блаженству райских стран.

Я знаю, мой Господь, что примешь Ты поэта

В ряды победные Твоих святых дружин,

И место на пиру бессмертия и света

Среди Архангелов займет лишь он один.

Я ведаю, что боль единственная слава,

Чей вечный блеск землей и адом пощажен;

И нужно, чтоб создать венцов незримых сплавы,

Богатства всех миров и дани всех времен.

Все драгоценности исчезнувшей Пальмиры,

Металлы редкие, жемчужины морей,

Сравниться б не могли с моей святой порфирой

И с ослепительной короною моей.

Ведь сотворишь ее из чистого сиянья

Чертогов, где лазурь извечная светла,

Нашедшего в глазах земных Твоих созданий

Лишь омраченные, слепые зеркала!»

Альбатрос

Нередко, для забав, стараются матросы,

Когда скользит корабль над бездной вод глухих,

Поймать могучего морского альбатроса,

Парящего вокруг сопутников своих.

Но только те его на доски опустили —

Смутится царь небес, неловкий и хромой,

И крылья белые, раскрытые бессильно,

По палубе влечет, как весла, за собой.

Воздушный путник тот, как он нелеп и жалок!

Красавец бывший стал уродлив и смешон!

Кто дразнит трубкою его, а кто вразвалку

Идет, изобразив, как крыльев он лишен.

Поэт, походишь ты на князя туч свободных,

Знакомого с грозой, презревшего стрелков;

Изгнаннику с небес, средь окриков народных,

Гигантские крыла помеха для шагов.

Воспарение

Над зеленью долин, над синими морями,
Горами, рощами и слоем облаков,
За гранью древних солнц и вечных их кругов,
За недоступными надзвездными краями,

Мой дух, ты движешься с проворностью пловца
Могучего, чья грудь лобзаньям влаги рада,
И с несказанною, спокойною отрадой
Отважно бороздишь ты пропасти Творца.

Подальше улетай от вредных испарений.
Очиститься спеши в лазури золотой
И пей, как девственный напиток неземной,
Огонь, наполнивший небесные селенья.

Сквозь скуку, и тоску, и сумрак горьких бед,
Отягощающих теченье дней туманных,
Блажен, кто силою полетов неустанных
Уносится к полям, где вечный мир и свет.

Чьи мысли по утрам, учась у птиц небесных,
В свободную лазурь взлетают взмахом крыл.
– Кто духом воспарил над жизнью и открыл
Смысл языка цветов и тварей бессловесных.

Соответствия

Природа – храм, и в нем есть ряд живых колонн;
Из них порой слова невнятные исходят;
В том храме человек в лесу символов бродит,
И на него их взор привычный устремлен.

Как эха долгие друг другу отвечают,
Сливаясь вдалеке в один и тот же глас,
Безбрежный, как лазурь, окутавшая нас,
Так запахи, цвета и звуки совпадают.

Одни есть запахи невиннее детей,
Как флейты нежные, зеленые, как поле.
– В других нам слышен тлен, но всех они властней

И беспредельною мечтой плывут на воле,
Как амбра, фимиам, и мускус, и алой,
Поющие страстей и духа пыл живой.

* * *

Мне память дорога эпох тех обнаженных,
Когда Феб золотил кумиры воплощенных
Богов, и были дни людей, на зов весны,

Без лжи и без забот любви посвящены.

Лазурь приветливым лучом на них горела;

Здоровием дыша, цвело святое тело.

Цибела, щедрая обилием плодов,

Не тяготилася числом своих сынов,

Волчица добрая, всю тварь под небесами

Кормить готовая набухшими сосцами.

Мужчина, красотой и силой светлый, мог

Гордиться девами, в чьем сердце он был бог —

Плоды немятые, не знавшие ненастья,

Чья кожа гладкая звала укусы страсти!

А в наши дни Поэт, поверивший в мечты,

Порой свидетелем случайной наготы

Мужчин и женщин став, клянет обман бесплодный,

Стыдится и стоит с угрюмостью холодной

Пред этим зрелищем, безмолвен и суров!

Чудовищная плоть, накинь скорей покров!

Нелепые тела, гнуснее, чем личины!

Худые, жирные иль дряблые мужчины,

Кого Бог выгоды, безжалостно глухой,

Навек запеленал железной пеленой!

И женщины, увы, бледнее свеч церковных,

Принявшие разврат взамен утех любовных,

И девы – дочери печальных матерей,

Обезображенных плодливостью своей!

Есть, правда, и у нас, на склоне жизни старой,

Народам древности неведомые чары.

Огнем сердечных язв изъедены чела,

И прелесть томная на лица нам легла.

Но скудные дары Муз наших запоздалых

Не помешают нам, сынам веков усталых,

Всегда несть юности невольный наш привет —

Священной юности, в расцвете первых лет,

С глазами ясными, прозрачными, как воды,

Разлившей на весь мир сочувственной природы,

Как светлая лазурь, как птицы и цветы,

Звон песен, аромат и сладость теплоты.

Маяки

О Рубенс, лени сад, струя реки забвенья,

Плоть свежая, любви чужая навсегда,

Но где играет жизнь могучая, в движеньи

Безостановочном, как воздух и вода.

Да Винчи, зеркало, в котором тонут взоры,

Где лики ангелов, с улыбкою немой,

Исполненною тайн, сияют средь убора

Лесов и ледников, закрывших край святой.

Рембрандт, немолчная и скорбная больница,

С большим распятием, висящим на стене,

Где слезная мольба средь мерзости струится

И зимний луч стрелой сверкает вдруг во тьме.

Микель-Анджело, луг заклятый, где Герои

Встречаются с Христом, где сумрачно встают

Слепые призраки вечернею порою

И саван пальцами искривленными рвут.

Бесстыдство, грубый гнев и страсть изобразивший,

Нашедший красоту на дне людских низин,

О сердце гордое, художник, желчь таивший,

Пюжэ, преступников печальный властелин!

Ватто, тот карнавал, где много знаменитых

Сердец, как бабочки, порхают и горят;

Где средь ночных садов, цепями люстр увитых,

Безумно кружится веселый маскарад.

Ты, Гойя, жуткий сон, страна тобой воспетых

Ведьм, варящих слепых зародышей в котлах,

Старух у зеркала и девушек раздетых,

Но, бесам на соблазн, оставшихся в чулках.

Делакруа, в тени всегда зеленых елей

Немое озеро, куда издалека

Дурные ангелы бесшумно прилетели

И где нам слышится песнь вольного стрелка.

Все те проклятия, хуления и стоны,

Восторги, крики, вздох, молебны, плач скорбей —

Звук, эхом тысячи ущелий возрожденный,

И для людских сердец божественный елей.

То клик, повторенный от века часовыми,

Приказ властительных и громких голосов,

Маяк, пылающий над башнями ночными,

Призыв охотников, забредших в глубь лесов.

Воистину, Господь, вернейшего залога

Достоинства души Тебе не можем дать,

Чем этот вечный стон, из нашего острога

К бессмертным берегам идущий умирать.

Больная Муза

О Муза бедная! Скажи мне, что с тобой?

Твои глаза полны полуночных видений,

И на твоих щеках проходят чередой,

В тупом безмолвии, испуг и исступленье.

Ночные призраки и муж нездешний твой

Струили ль вновь из урн и жуть и упоенье?

Тяжелый сон тебя коварною рукой

Увлек ли в тонкие, смертельные селенья?

О, если бы всегда, здоровием дыша,

Твоя была полна дум радостных душа,

И кровь крещеная текла б легко и плавно,

Как звуки гордые античного пэана,

В которых царствует родитель песен, Феб,

И вседержавный Пан, дарующий нам хлеб!

Продажная Муза

О Муза жалкая, любовница дворцов,

Когда Январь нашлет на нас Борей холодный,

Найдешь ли, вечером тоскуя безысходно,

Для посиневших ног немного угольков;

Иль плечи оживишь под лаской мимолетной

Полуночных лучей, проникнувших под кров?

Сберешь ли золото лазурных вечеров,

Когда карман твой пуст и день грозит голодный?

Ты век должна, чтоб хлеб насущный получить,

При чуждых алтарях кадилами кадить,

Молебны петь богам, непризнанным тобою,

Или на площадях, показывая грудь

И запретив слезам сквозь дикий смех блеснуть,

Кривляться и плясать пред грубою толпою.

Дурной монах

В былых монастырях со стен глядела живо

Святая Истина, в их росписи цветной,

И вид тот согревал мечтой благочестивой

Сердца и облегчал им подвиг их земной.

В те дни, когда цвела еще Христова нива,

Иной святой монах, для нас уже чужой,

Так возвеличил Смерть рукою нестроптивой,

Избравши кладбище своею мастерской.

Душа моя, ты склеп, и я в тебе от века

В тупом бездействии живу, как инок некий.

Ничто не красит стен обители моей.

Сумею ль превратить – монах, забывший Бога —

Живое зрелище судьбы моей убогой

В работу рук моих и свет моих очей?

Враг

Вся молодость была жестокою грозою,

Лишь изредка живым пронизанной лучом.

Так много сгублено и громом и водою,

Что нет почти плодов златых в саду моем.

На мыслях уж лежат туманы листопада,

И мне не обойтись без граблей и лопат,

Чтоб вновь создать дождем разрушенные гряды,

Где вырыла вода могил глубоких ряд.

Найдут ли поздние цветы моих мечтаний

Вновь пищу, нужную для их произрастанья,

В саду том, где давно ничто уж не цветет?

О горе горькое! Жизнь нашу время гложет,

И враг неведомый, что сердце нам грызет,

Пьет кровь и нашею утратой силы множит.

Неудача

Нет, ноша слишком уж тяжка!

Поднять ее Сизиф лишь может.

Хоть сердце в труд художник вложит —

Искусство долго, Жизнь кратка.

Могил надменных избегая,

Уходит сердце в час скорбей

На кладбище погибших дней,

Марш похоронный отбивая.

– Алмазов много спит во мгле,

На дне пучины иль в земле,

От лотов и лопат далеко.

И не один цветок цветет

И мед, как тайна сладкий, льет

Среди безлюдности глубокой!

Прежняя жизнь

В тени я портиков высоких жил годами.

Был отблеск солнц морских на камнях их зажжен,

И стройные ряды торжественных колонн,

Как грот базальтовый, чернели вечерами.

Валы, качавшие на лоне небосклон,

Неслись, и голос их, всесильными громами

Звуча, был сказочно с закатными цветами,

Горевшими в глазах моих, соединен.

Так прожил долго там я в неге безмятежной

Среди лазури, волн и тканей дорогих,

И благовонных тел невольников нагих,

Что освежали лоб мне пальмами прилежно

И только к одному стремились – угадать,

Зачем мне суждено так горько изнывать.

Цыгане в пути

Пророческий народ с горящими зрачками

Вчера пустился в путь, и матери детей

Несут или к сосцам искусанных грудей

Дают им припадать голодными губами.

Мужчины вслед идут за крытыми возами,

Где семьи спрятаны от зноя и лучей,

На небо устремив тяжелый взор очей,

Уже покинутых неверными мечтами.

Таясь среди песка, глядит на них сверчок,

И песня звонкая слышна им вдоль дорог;

Цибела ради них свои сгущает сени,

И в расцветающей пустыне бьет родник

Для этих странников, чей жгучий взор проник

В знакомую страну глухих грядущих теней.

Человек и море

Свободный человек, любить во все века

Ты будешь зеркало свое – родное море.

Ты душу узнаешь в его глухом просторе,

И бездна дум твоих не менее горька.

Ты погружаешься в свое изображенье,

И руки и глаза насытив, и твой дух,

Средь гула гроз своих, порою клонит слух,

Внимая бешеной, неукротимой пене.

Вы оба с ним равно угрюмы и темны;

Никто, о человек, твоей не мерил бездны,

О море, никому до дна ты не известно,

И не раскроете вы тайной глубины.

И все же, вот уж ряд веков неисчислимый,

Как вы сражаетесь, раскаянье забыв

И жалость, вняв резни и гибели призыв,

О братья и враги в борьбе непримиримой!

Дон Жуан в аду

Когда был Дон Жуан к глухим подземным водам

Отозван и свою Харону лепту дал,

Бродяга сумрачный, сверкая взором гордым,

Рукою мстительной и сильной весла взял.

С грудями вялыми, раскрывши одеянья,

Сбежались женщины к нему со всех сторон,

Подобно стаду жертв, ведомых на закланье,

И слышен был во тьме протяжный, горький стон.

Слуга его твердил со смехом господину

Про долг. Его отец нетвердою рукой

На сына дерзкого, презревшего седины,

Указывал теням, бродившим за рекой.

Дрожа под трауром, печальная Эльвира,

Простившая обман и слезы тайных мук,

Казалось, все ждала от прежнего кумира

Улыбки сладостной, как первой клятвы звук.

Застывши на корме, закованный весь в латы,

Муж каменный делил рулем угрюмый вал,

Но чуждый всем герой, на меч склонясь, куда-то

Глядел и никого кругом не узнавал.

Наказание гордости

В те дивные года, когда, дыша любовью,

Ум смертный изучал одно лишь Богословье,

Один среди святых, прославленных мужей

– Сердца расшевелив огнем своих речей,

Согрев восторгами их черные глубины,

К престолу Вышнего и славе Голубиной

Сумевши, для себя нежданно, обрести

Одним лишь Ангелам доступные пути —

Смущен, как человек, поднявшийся на скалы,

Воскликнул, в приступе гордыни небывалой:

«Ничтожный Иисус! Высоко ты взлетел!

Но если б развенчать тебя я захотел,

С твоею славою сравнилось бы паденье,

И стал бы ты пустой и смехотворной тенью!»

Он в тот же самый миг был разума лишен.

Свет солнца яркого того был омрачен.

Первоначальный мрак в уме том воцарился,

Который храмом был и роскошью светился,

И где под сводами сверкало все огнем.

Молчание и ночь одни остались в нем,

Как в склепе, навсегда свои замкнувшем двери.

С тех пор был превращен в бездомного он зверя.

И летом и зимой, не видя ничего,

Полями он бродил, немое существо,

Неряшливый старик, чужой всему на свете,

И бегали за ним и насмехались дети.

Красота

О смертные, как сон я каменный прекрасна.
Изранен тот, кто раз прильнул к моей груди,
Но ей дано зажечь в поэте жар любви,
Как вещество миров, бессмертной и безгласной.

Как сфинкс непонятый, царю я в вышине;
Спит сердце снежное под грудью лебединой;
Застыв, я линии не сдвину ни единой;
Не плачу никогда, и смеха нет во мне.

Поэты пред моим торжественным молчаньем,
Напоминающим лик мраморных богов,
Все ночи посвятят суровым послушаньям;

Ведь мне, чтоб ослепить безропотных рабов,
Два зеркала даны, в которых все чудесно —
Широкие глаза, с их ясностью небесной.

Идеал

Нет, никогда толпа прелестниц пошловатых,
Испорченных плодов ничтожных наших дней,
В уборе их одежд и поз замысловатых,
Не сможет утолить мечты души моей.

О Гаварни, поэт улыбок томно-бледных,

Не для меня ты дев больничных рисовал;

Я не могу найти средь роз твоих бесцветных

Цветка, похожего на красный идеал.

Но сердцу дороги, глубокому, как бездна,

Вы, Лэди Макбет, дух преступный и железный,

Эсхилова мечта, расцветшая средь льдов,

Иль ты, немая Ночь, ты, дочь Микель-Анджело,

Раскрывшая, во сне склонясь на мрамор белый,

Красы, достойные страстей полубогов.

Гигантша

В те времена, когда могучая Природа

Творила каждый день чудовищных детей,

С гигантшей юною я жить хотел бы годы,

Как при царевне кот, ласкающийся к ней;

Дивиться, как цветет с душою вместе тело,

Растущее легко средь бешеных затей;

Угадывать грозу, что в сердце закипела,

По влажной пелене в зрачках ее очей;

На воле исходить ее младое лоно,

Вползать на верх колен по их крутому склону,

А летом, иногда, когда, от злых лучей

Устав, она в полях раскинется широко,

Спать беззаботным сном в тени ее грудей,

Как мирное село в тени горы высокой.

Запястья

Одежды сбросила она, но для меня

Оставила свои гремящие запястья;

И дал ей тот убор, сверкая и звеня,

Победный вид рабынь в дни юного их счастья.

Когда он издает звук резвый и живой,

Тот мир сияющий из камня и металла

Дарует мне восторг, и жгучею мечтой

Смесь звуков и лучей всегда меня смущала.

Покорствуя страстям, лежала тут она

И с высоты своей мне улыбалась нежно;

Любовь моя текла к подруге, как волна

Влюбленная бежит на грудь скалы прибрежной.

Очей не отводя, как укрощенный тигр,

Задумчиво нема, она меняла позы,

И смесь невинности и похотливых игр

Давала новый блеск ее метаморфозам.

Рука ее, нога, бедро и стан младой,

Как мрамор гладкие и негой несравнимой

Полны, влекли мой взор спокойный чередой;

И груди, гроздия лозы моей родимой,

Тянулись все ко мне, нежней, чем духи Зла,

Чтоб душу возмутить и мир ее глубокий,

Но недоступна им хрустальная скала

Была, где я сидел, мечтатель одинокий.

Казалось, совместил для новой цели Рок

Стан стройный юноши и бедра амазонки,

Так круг прекрасных чресл был пышен и широк

И так был золотист цвет смуглый тальи тонкой.

– Усталой лампы свет медлительно погас;

Лишь пламя очага неверное горело,

Дыша порывами, и кровью каждый раз

Вздох яркий заливал янтарь родного тела.

Маска

Аллегорическая статуя во вкусе Возрождения

Какое дивное пред нами изваянье!

В изгибах тела мощь и нега разлиты

Обильно и цветут в божественном слияньи.

Все дышит чарами чудесной красоты

В той женщине. Она достойна скрасить ложа

Роскошные дворцов, деля на долги дни

Досуг духовного владыки или дожа.

На эту властную улыбку ты взгляни,

Самодовольную и полную истомы;

На этот страстный взор, дар благостных Харит;

На нежное лицо, где сердцу все знакомо

И каждая черта победно говорит:

«Меня призвала Страсть; Любовь венок сплела мне!»

Тот мрамор, царственным величьем одарен,

Безгрешностью своей в нас разжигает пламя.

Давайте обойдем его со всех сторон.

Безбожного творца безумное хуленье!

Глядит лицом двойным, по прихоти резца,

Богиня дивная, сулившая забвенье!

Но нет! То маска лишь, смутившая сердца,

Тот лик, трепещущий в блаженном упоеньи,

Как будто бы от ласк, не знающих конца.

А настоящий лик, скосившись от мучений,

Немеет позади неверного лица.

– Унылая Краса! Твои святые слезы

Державною рекой стекают в грудь мою!

Я ложью опьянен твоей и жадной грезой

Волну твоих очей страдальческих я пью!

– Но плакать ей зачем? К ней Рок ведь благосклонен,

И всех бы красотой пленить она могла.

Какой таинственный недуг ей гложет лоно?

О том она скорбит, безумный, что жила

И что живет еще. Но то всего больнее

И дрожью всю ее томит по временам,

Что завтра надо вновь ей жить, уснуть не смея,

И послезавтра жить, и вечно – как и нам!

Гимн красоте

Жилица ль ты небес иль пропасти глубокой,

О Красота? Льет яд с блаженством заодно

Твой взор божественный, холодный и жестокий,

И в этом ты для нас похожа на вино.

В твоих глазах горят закат и свет восхода;

Благоухаешь вся, как вечер пред грозой;

И, зелья уст твоих вкусив, клянет походы

Герой, а юноша отважно рвется в бой.

Пришла ль из бездны ты, иль к нам со звезд сошла ты?

Рок очарованный за юбками, как пес,

Бежит. Ты сеешь здесь то радость, то утраты

И царствуешь над всем, не видя наших слез.

Идешь ты, Красота, не зная сожаленья,

По трупам, ужасом сверкая, как венцом;

Убийство, средь других цветных его камений,

На гордом поясе играет багрецом.

Покорный мотылек на пламени сгорает

Твоем, свеча, свой рок и смерть благословив;

Любовник в страстный миг над девой замирает,

Как будто бы свой гроб руками охватив.

Не все ль равно, с небес приходишь иль из ада,

О Красота, немой, невинный, жуткий зверь.

Твой взор, уста и грудь даруют мне усладу

И в Рай неведомый мне раскрывают дверь.

Послал ли Сатана иль Бог тебя, Сирена

Иль Ангел? Все равно! Ведь светятся зрачки

Твои, и в их лучах, кумир мой вожделенный,

Мир краше и не так мгновения тяжки.

Экзотический аромат

Когда в осенний день, с закрытыми глазами,

Грудь теплую твою вдыхаю я без слов,

Сияет предо мной счастливых берегов

Блеск ослепительный под вечными лучами.

Видны мне острова, овеянные снами,

Деревья странные и гроздья их плодов,

Мужчины стройные, как пальмы средь садов,

И жены с чистыми, невинными очами.

Мчась запаху вослед в прелестную страну,

Я вижу гавани заснувшую волну

И белых парусов обветренные стаи,

Меж тем как аромат неведомых кустов,

Плывя по воздуху и грудь мою вздымая,

Сливается в душе с напевами гребцов.

Волосы

Руно волнистое, нависшие покровы!

О кудри! Аромат и томный, и густой!

Восторг! Чтоб населить сегодня мрак алькова

Заснувшим в волосах дыханием былого,

Я ими, как платком, повею пред собой.

Ленивой Азии и Африки бессонной

Далекий мир и зов почти забытых вод

Живут в твоей тени, лес странно благовонный.

Как у других плывет по звукам ум плененный,

Так мой, любовь моя, по запахам плывет.

Уйду я в те края, где люди под горящей

Лазурью соками и негою полны.

О косы, будьте мне вы зыбью, в даль стремящей!

Ты, море темное, содержишь сон слепящий

Ветрил, гребцов, и мачт, и пламенной волны:

Там гавань шумная, где дух мой пьет глотками

Большими запахи, и звуки, и цвета,

Где корабли скользят багряными струями,

Объятия раскрыв пред жгучими лучами

Небес, где синева от века разлита.

Я погружусь лицом в дурманящий и черный

Тот океан, в себя вмещающий другой,

Мой изощренный ум под ласкою повторной

Зыбей вас вновь найдет, дни лени плодотворной,

Качанье вечное и сладостный покой!

Ночь синяя волос, раскинутые тени,

Вы возвратили мне лазурный небосклон.

Прильнувши к локонам в безмолвном упоеньи,

Я слышу мускуса и дегтя дуновенье

И слитым запахом их сладко опьянен.

Склоняясь без конца над гривою густою,

Я жемчуг и рубин рассыплю щедро в ней,

Чтоб никогда к мольбам ты не была глухою!

Ведь ты оазис снов и чаша, что порою

Поит меня вином моих прошедших дней!

* * *

Как небо я тебя ночное обожаю,

Сосуд печальных грез, красавица немая.

Ты от меня бежишь, но я тем горячей

Люблю тебя, мой друг, краса моих ночей,

Чем ты насмешливей скрываешься за дали,

Которые рукам обнять лазурь не дали.

Иду на приступ я и лезу смело в бой,

Как жадный хор червей на труп идет войной,

И даже полюбил, зверь сумрачно-жестокий,

Холодность я твою, как дар прекрасный Рока!

* * *

Все человечество зовешь под сень алькова,

Жена нечистая! И каждый вечер снова

Ты сердце новое должна зубами рвать,

Чтоб вероломную игру не забывать.

Глаза, горящие, как факелы гуляний

Народных иль витрин зазывное сиянье,

Себе присвоили чужие им права,

Не знавши никогда, в чем смысл их торжества.

Слепое существо, глухое к состраданью,

Кровь мира пьющее, жестокое созданье,

Ужель пред зеркалом не ведаешь стыда

И в нем твои красы не меркнут никогда?

Ужели все то зло, которому все годы

Ты служишь, не страшит тебя, когда Природа

Для тайных замыслов своих тебя берет,

Греховная жена, и власть тебе дает,

– Тебе, презренная, – чтоб мог родиться гений?

Величье подлое! Державное паденье!

Sed Non Satiata

Богиня странная, как ночи – ты темна

И дышишь мускусом и пряною геранью;

Тропических лесов, должно быть, ты созданье,

Колдунья черная, и в полночь рождена.

Мне слаще опия, алоя и вина

Твоих горячих уст пьянящие лобзанья;

Когда к тебе летит толпа моих желаний,

В колодце глаз твоих тоска утолена.

Из этих черных глаз, сверкающих и жадных,

Лей меньше пламени, мой демон беспощадный;

Не Стикс я, чтоб тебя раз девять обнимать,

Увы, и не могу, распутная Мегера,

Несть Прозерпины дар, чтоб пыл твой обуздать,

На ложе адское, взамен даров Венеры!

* * *

Одежды светлые ее текут волной,

И шаг размеренный похож на танец сонный,

Как пляска длинных змей, которых пред толпой

Факиры на жезлах качают монотонно.

Как грустные пески и даль степей нагих,

Людскому чуждые страданию и стону,

Как сеть широкая безбрежных волн морских,

Она живет без грез душой непробужденной.

Шлифованной рудой блестит прелестный глаз,

И в этом существе таинственно-ленивом,

Где ангел девственный слит с сфинксом молчаливым,

Где все лишь золото, блеск стали и алмаз,

Сияет навсегда, как звездный свет холодный,

Ненужною красой лик женщины бесплодной.

Пляшущая змея

Как я люблю, о друг мой томный,

Наблюдать, когда

Упругий стан твой кожей темной

Блещет, как звезда.

По волосам твоим смолистым,

Черным и густым,

По знойным их морям душистым,

По волнам живым,

Как ветром утра пробужденный

Призрак корабля,

Я ухожу душою сонной

В дальние края.

Твои глаза, где мысли скрытой

Не дано гореть,

Два зеркала, в которых слиты

Золото и медь.

Когда мелькаешь обнаженной

Мерною ступней,

Ты кажешься мне прирученной

Пляшущей змеей.

И голова младая, ленью

Отягощена,

Напоминает мне движенья

Юного слона.

А тело плавно подражает

Качке кораблей,

Когда они в волнах ныряют

Краем тонких рей.

Когда ты влагой уст влюбленных

Смочишь край зубов,

Как водами рек, напоенных

Снегом ледников,

Тогда душа моя вкушает

Терпкое вино,

И небо звездное стекает

К сердцу мне на дно.

Падаль

Ты помнишь ли, мой друг, что видел я с тобою
В один из теплых летних дней:
Ту падаль гнусную, у горки под сосною
Лежавшую, среди камней?

Задравши ноги вверх блудницею позорной,
Ядами жгучими полна,
Валялась без стыда она, дыша тлетворно,
И будто ласкам отдана.

И солнца луч сиял над падалью гниющей,
Чтоб, растопясь, она могла
Вернуть сторицею Природе всемогущей
Все, что в одно она слила.

Глядели небеса на труп, их сердцу милый,
Цветком готовый расцвести.
Зловонием таким несло, что поспешила
Ты, вся бледнея, отойти.

Над вздутым животом летали мухи тучей,
И выходили чередой
Полки червей, слюной стекающих тягучей
По этой ветоши живой.

То восходило все, то падало, как волны,
И труп сухим огнем трещал.

Казалось нам, что он, дыханьем слабым полный,
Все разрастался и вспухал.

И мир тот издавал невнятный шум упорный,
Как дождь и ветер средь ветвей
Иль рожь сыпучая, когда крестьянин зерна
Бросает веялкой своей.

Все становилось сном, стирались очертанья,
Как будто образы картин
Заброшенных, чей смысл в своем воспоминаньи
Творец воссоздает один.

За скалы убежав, скрывался пес голодный
И ждал, поджавши хвост меж ног,
Ухода нашего, чтоб оторвать свободно
Им недоеденный кусок.

– И все же будешь ты такой, как мерзость эта,
В которой все – чума и гной,
Звезда моих очей, луч солнечного света,
Ты, моя страсть и ангел мой!

Да, будешь ты такой, царица вожделений,
Когда, заслыша Смерти зов,
Уйдешь ты, под травой и зеленью растений,
Тлеть одиноко средь гробов.

Тогда, моя краса, скажи толпе проворной

Тебя съедающих червей,

Что образ я храню и лик нерукотворный

Уж разложившихся страстей!

De Profundis Clamavi

Молю о жалости, единая Отрада,

Со дна угрюмых бездн, где сердце пленено.

То мрачный мир, кругом все сыро и темно,

И в сумраке плывут неведомые гады.

Шесть месяцев царит там солнце без тепла,

Других шесть месяцев земля покрыта тенью:

В полярной той стране одно лишь оскуденье;

– Ни зелени, ни струй, ни птичьего крыла!

На свете ничего ужасней быть не может

Той ночи, с Хаосом первоначальным схожей,

И злой холодности тех ледяных лучей;

Завидую судьбе последних я зверей,

Могущих в сне тупом забыть земное бремя,

Так медленно клубок разматывает время!

Вампир

О ты, которая ножом
Мне сердце скорбное пронзила
И, словно стадо бесов, в нем
Все размела и истребила.

Ты, для кого душа моя
Постелью стала и владеньем,
К тебе навек прикован я,
Как каторжник к своим мученьям,

Как игрока упрямый взор
К столу, как пьяница к стакану,
Как падаль к червю, и не стану
Скрывать проклятый мой позор!

Я попросил кинжал проворный
Вернуть мне волю прежних дней;
Я захотел, чтоб яд тлетворный
Помог трусливости моей.

Увы! от яда и кинжала
Мне был презрительный ответ:
«Судьбе ничтожный раб не жалок,
И для тебя свободы нет.

Безумец! – Если мы, оковы

Разбив, тебя освободим,

Ведь поцелуем ты своим

Труп воскресишь вампира снова!»

Лета

На сердце мне приляг, душа глухая,

Любимый тигр, ленивый, томный зверь.

Я погрузить ладонь хочу теперь

Во тьму волос, их трепетно лаская.

В душистые одежды я твои

Вновь погрузить главу хочу больную,

Вдыхая вновь, как розу неживую,

Дух сладостный былой моей любви.

Я спать хочу! Мне жизнь уж надоела!

В пленительном, как Смерть глубоком сне,

Свой поцелуй прижму я в тишине

К холодному, сверкающему телу.

Чтоб заглушить мой утомленный стон,

Я падаю к тебе в изнеможеньи,

В твоих устах река течет забвенья,

И Летой ласк твоих я упоен.

Моей судьбе, отныне мне желанной,

Я предался, принявший свой удел

Покорный раб, который захотел

Разжечь огонь, ему на пытку данный.

Я буду пить, чтоб горе без следа

Залить, яды снотворные, подруга,

Припав к концам груди твоей упругой,

Сердечных мук не знавшей никогда!

* * *

С Еврейкой гнусною на ложе засыпая,

Как рядом с трупом спит другой застывший труп,

Я стал мечтать вблизи продажных этих губ

О женщине родной, желанием сгорая.

Предстала предо мной краса ее святая,

Взор, весь исполненный огня и нежных грез,

Благоуханный шлем ее густых голос, —

И память их я звал, для страсти оживая.

О, как бы целовал я стан упругий твой,

От свежих ног твоих до кос смолисто-черных

Запасы истощив ласк жгучих и повторных,

Когда бы, ввечеру, невольною слезой

Ты раз один могла, жестокая царица,

Затмить блестящие, холодные зеницы.

Посмертное раскаянье

Когда ты будешь спать, красавица родная,
Под черным мрамором и грудою венков,
И заменять тебе и замок и альков
Дождливый будет склеп и яма ледяная;

И камень, грудь твою пугливую сжимая
И бедра томные под тяжестью оков,
Не даст тебе дышать и жаждать новых снов,
И в даль не убежит нога твоя младая,

Могила, друг моей мучительной мечты
(Могила ведь всегда поймет мечту поэта),
Шепнет среди глухой и вечной темноты:

«Какая польза в том, что вы ушли со света,
Не испытавши нег и сердце погубя?»
– И жадный червь войдет раскаяньем в тебя.

Кошка

Прекрасный зверь, иди ко мне на грудь.
Не выпускай когтей пока ты,

И дай ты мне глазами потонуть

В зрачках из стали и агата.

Когда рукой ласкаю долго я

И голову твою, и спину,

С отрадою все новою скользя

По искрометной шерсти длинной,

В уме жену я вижу. Взор ее,

Как у тебя, мой зверь любимый,

Пронзителен, как жала острие.

И с ног до головы родимой

Пьянящий дух, опасный аромат

Вкруг тела смуглого дрожат.

Duellum

Схватились два врага; оружье засверкало

И в душном воздухе уж заблестела кровь.

– Те игры, тех мечей звон яростный – начало

Борьбы, когда царит над юностью любовь.

Мечи, как молодость, разбиты! Мы устали,

Подруга! Но зубов нам хватит и ногтей,

Чтоб заменить клинки, с предательской их сталью.

– О бешенство сердец и язвы злых страстей!

В овраг, где средь кустов скользят ночные звери,

Уж падают враги. Мириться им нельзя,

И кровь их обагрит сухие иглы терний.

– Та пропасть темный ад, где наши все друзья!

Покатимся туда, мой враг бесчеловечный,

Чтоб ненависти яд томил нас мукой вечной!

Балкон

Владычица моя, о мать воспоминаний,

О ты, все радости и долг единый мой!

Ты вспомнишь красоту медлительных лобзаний,

И негу очага, и вечера покой.

Владычица моя, о мать воспоминаний!

Вечерние часы в сиянии огня:

Часы, когда балкон весь в розовом тумане.

Как грудь твоя цвела и сердце жгло меня!

Мы молвили не раз бессмертные признанья,

В вечерние часы, в сиянии огня!

Как солнца хороши в час теплого заката!

Как небо глубоко! Как властен сердца бой!

Царица и кумир, я крови ароматы,

Казалось мне, вдыхал, склонившись над тобой.

Как солнца хороши в час теплого заката!

Сгущалась ночь кругом, как черная стена.

Я в ней твои зрачки угадывал глазами.

Я уст пил сладкий яд и чашу пил до дна,

И ноги обнимал я братскими руками.

Сгущалась ночь кругом, как черная стена.

Умею воскрешать счастливые мгновенья

И вновь хочу в мечтах колена целовать.

Ведь красоту твою и страстное томленье

Вне тела милого и сердца не сыскать.

Умею воскрешать счастливые мгновенья.

Те клятвы, аромат и ласки без конца

Восстанут ли из бездн, неизмеримых оком,

Как солнца юные плывут на небеса,

Омывшись перед тем на дне морей глубоком?

– О клятвы, аромат и ласки без конца!

Одержимый

Покрылось солнце мглой ненастья. Как оно,

Луна моей души, закутайся ты в тени.

Безмолвствуй иль грусти, предайся снам иль лени,

Жестокой Скукою томимая давно;

В печали глаз твоих мне счастие дано.

Но если, как звезда, чье кончилось затменье,

Сиять захочешь там, где страсти и томленье,

То выйди из ножон, кинжал! Мне все равно.

Зажги огонь в зрачках от люстр алмазно-ярких;

Зажги в глазах мужчин огонь желаний жарких;

В тебе все дивный дар, то сонный, то живой.

Будь всем, чем хочешь ты, тьмой ночи иль денницей.

Все тело, задрожав от страсти роковой,

Кричит: «Хвала тебе, мой Демон и Царица!»

Тень

I. Мрак

В тюрьме моей, в стране тоски бездонной,

Куда мой Рок давно меня изгнал,

Куда рассвет златой не проникал,

Где я один остался с Ночью сонной,

И предо мной на черном полотне

Проходит ряд бесформенных видений,

Где осудил я сердце на мученья

И жгу его на медленном огне,

Тень царственно-младая временами

Блестит, скользит и реет предо мной

Во весь свой рост, а я, следя глазами

За гостьею и томной, и немой,

Вновь узнаю тот призрак сладострастный.

Она! Мой друг, хоть темный, но прекрасный.

II. Аромат

Читатель мой, скажи, вдыхал ли ты

В медлительном и сладком упоеньи

Вздох ладана среди церковных теней

Иль хрупкие, засохшие цветы?

Глубоких чар немое опьяненье!

Мы видим в нем прошедшего черты.

Так прежние, забытые мечты

Рождает в нас родной груди томленье.

Из вьющихся, густых ее волос

– Из ладанки и сонного кадила —

Во тьме волна душистая всходила,

И пряный дух все ширился и рос

Вокруг одежд, с их шелком и парчою,

Пропитанных невинностью младою.

III. Рама

Как рама вкруг картины, хоть рукою

Хваленою написана она,

Холст оградив от мира, как стена,

Ей придает вид странного покоя,

Так роскошью, казавшейся родною,

Ее краса была окружена.

Не выдала теней ее весна,

И все кругом служило ей каймою.

И мнилось ей, я помню, раз иной,

Что все ее любило; предо мной

Она белью и шелку отдавала

Нагую грудь, под ласкою немой

То вдруг дрожа, то млея, и красой

Звериною и детскою дышала.

IV. Портрет

Болезнь и смерть испепеляют пламя

Светло для нас пылавшего огня.

От этих глаз, с их блеском и слезами,

От этих уст, восхитивших меня,

От этих ласк, властительно целебных,

От этих нег, с их яростным лучом,

Остался лишь, по воле сил враждебных,

Повыцветший портрет карандашом.

Он, как и я, забытый умирает

Вдали людей, и Время, злой старик,

Его – что день – крылом седым стирает.

И жизнь и сны ты косишь каждый миг,

Но не убьешь в душе, палач лукавый,

Той, кто была мне радостью и славой!

* * *

Даю мои стихи тебе, и если звон

Их счастливо дойдет до предков отдаленных

И вновь зажжет мечты в мозгах их утомленных

– Корабль, которому попутен аквилон, —

То память о тебе, преданье муз плененных,

Вновь утомит сердца, как гуслей мерный стон,

И цепью братскою и тайной сопряжен

Твой образ будет вновь с напевом рифм влюбленных.

Отверженное всем на свете существо,

Признавшее родным меня лишь одного,

О ты, которая, летая легкой тенью,

Привыкла попирать в презрении немом

Род смертных, для кого ты горькое мученье,

Богиня властная с бестрепетным челом!

Semper Eadem

«Откуда странные, сказали вы, печали,

Разлившиеся в вас, как черный вал морской?»

– Когда мы все плоды сердечных нег сорвали,

Жизнь наша зло, и дух насыщен наш тоской.

Тут тайны нет, и боль легко понятна эта.

Для всех она ясна, как ваш счастливый вид.

Мой любопытный друг, не ждите вы ответа,

И голос нежный ваш пусть лучше промолчит.

Не надо слов, дитя! Душа, всегда младая!

Веселые уста! Жизнь в сердце побеждая,

Смерть может тайными нас узами связать.

О, дайте, дайте мне забыться ложью властной,

На дно прекрасных глаз как в сон уйти прекрасный

И в сумраке ресниц надолго задремать.

Вся

Дух зла мой кров уединенный

Сегодня утром посетил

И, чтоб смутить мой ум влюбленный,

С улыбкой хитрою спросил:

«Средь всех волшебных проявлений

Ее пленительных красот,

Средь бликов розовых и теней

Младого тела, что влечет

Сильнее?» – С верою живою

Душа ответила Врагу:

«В ней все бальзам, и ничего я

Любить особо не могу.

Когда пленяет все, не знаю,

Чем очарован больше я.

Она как ночь покоит Мая

И ослепляет, как заря.

Такой гармонией священной

В ее красотах дышит все,

Что недоступно мысли бренной

Отметить каждый звук ее.

О тайна дивных превращений

И чувств властительный обман!

Ее дыханье – словно пенье,

А голос – сладостный дурман!»

* * *

Что скажешь ты, душа, скорбевшая напрасно,

Что скажешь, сердце, вновь восставшее от сна,

Подруге благостной, желанной и прекрасной,

Чей взор вас оживил, как дивная весна?

Мы громко воспевать хвалы ее желаем;

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sharl-bodler/cvety-zla-sbornik-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить